

М.Д. ПОНОМАРЕНКО (*Слупск, Польша*)

УДК 82.0
ББК ШЗЗ(0) – 022.30

СПЕЦИФИКА ЭПОХИ МОДЕРНИЗМА В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению модернизма в контексте циклического развития человека в искусстве. Особое внимание уделено взаимосвязи различных эпох, показано их последовательное развитие на основе смены “верха” и “низа” (телесное и бестелесное начала человека). Исследование осуществляется с привлечением нескольких дисциплин гуманитарного цикла, т.е. имеет междисциплинарный характер. Мироззрение человека эпохи модернизма представлено как звено в эволюционной цепи гуманитарного развития общества. Рассматривается также роль рецепции культурного наследия античности в формировании художественных миров в литературе эпохи модернизма. Статья обращает внимание, прежде всего, на вопросы онтологического характера. Большое значение для становления мироззрения модернистов, по словам автора, имеет взаимосвязь космоцентризма и антропоцентризма на основе закона “вечного возвращения”.

Ключевые слова: модернизм, антропоцентризм, гуманитарное развитие, цикличность, космоцентризм, литературные стили.

Первая треть XX века представляет собой период так называемого «серебряного века» русской литературы. Конец XIX века в литературном процессе ознаменовался формированием перспективных модернистских воззрений. Они определили дальнейшее развитие литературы, в частности лирических текстов, до наших дней. Модернистские течения и утвержденные ими впоследствии художественные особенности, основывались как на философских системах В. Соловьева, Н. Бердяева, А. Шопенгауэра и др., так и на обобщенном антропологическом опыте предыдущих эпох. Ключевую роль в искусстве слова продолжал играть человек. В.В. Савельева отмечает: «Художественную литературу не случайно называют «человековедением», ведь её вклад в узнавание человека огромен» [Савельева 1999: 13]. О близости для литературы т.н. «вечных» онтологических вопросов в русле антропоцентризма пишет и В.Е. Хализев: «В своем обращении к вечным

темам искусство оказывается сродным и близким онтологически ориентированной философии и учениям о природе человека (антропологии)» [Хализев 2002: 57]. Так, если рассматривать человека в рамках различных стилей искусства, в период от античности до настоящего времени, то становится очевидной цикличность его развития в европейской культурной традиции. С развитием философии и культуры обнаруживают свое существование два противоположных полюса человека: телесное (низ) и бестелесное (верх).

Античная традиция вписывала человека в космическое пространство, связывала его существование с законами Вселенной. В трудах античных философов встречается термин «калокагатия» – универсальный нерасчленимый идеал человека. Человек должен был развиваться в гармонии противоположностей, сочетать в себе красоту и добродушие. Однако его личностное начало было выражено слабо: «Человек этой эпохи публичен и “овнешнен”, поскольку отсутствует “оболочка и ядро”, разделение на внешнее и внутреннее (зримое и незримое). Наше “внутреннее” для грека располагалось в одном ряду с нашим “внешним”» [Золотухина 2009: 21-22]. В Средние века телесное и бестелесное проявляет себя как тяготение к божественному и земному (собственно человеческому). Тексты, написанные в этот период, отличаются наличием в них мотива божественной предопределенности, которая подчиняет себе человеческую индивидуальность.

В эпоху итальянского Ренессанса (начало XIV века) идея универсального человека вновь актуализируется в русле возрождения интереса к античному наследию. Синтез достижений Нового времени и античности позволяет выработать т.н. «ренессансный гуманизм», оказавший серьезное влияние на развитие антропоцентрической мысли впоследствии. Он рассматривал «возможность приобщиться к наукам и словесности...» [Баткин 1995: 119], пользуясь «...свободной энергией индивида, который очеловечивает себя, высвобождает в себе звездную предрасположенность, тщательно гранит, как ювелир, собственную душу» [Баткин 1995: 120]. Идея некой избранности как условия развития духа не зависела от социального положения и экономических предпосылок, являлась результатом божественного предопределения, в отличие от Средневековья, обращенного уже к конкретному человеку и его месту в мире. Марсилио Фичино соотносит природное и культурное в Универсальном человеке Нового времени; упоминает о научных, нравственных и художественных его возможностях, построенных согласно разумному основанию (*rationes*). Но их воспроизводство достигается лишь в том случае, если человеческий дух «правильно воз-

дельванют» [Ficin 1956: 226]. Эта природная аллюзия у Фичино созвучна: во-первых, внутреннему единству природного и человеческого; во-вторых, нескольким универсальным религиозно-философским положениям различных мировых культур. Среди таковых Восьмеричный путь в буддизме, шесть ступеней духовной иерархии Бонавентуры [Новейший философский словарь 1998: 120], художественное преобразование человеческой природы в поэзии акмеистов [Гумилев 2006: 236] и др.

Рассмотрение человека как мыслящего субъекта окончательно утверждается с развитием европейского Просвещения, которое проникает и в Россию, способствуя научному и культурному развитию. Однако господство разума как инструмента репрезентации человеческой индивидуальности оказывается не способно ответить на все возникающие онтологические вопросы. Принцип «триединства» действия, времени и места исчерпал себя и требовал от литературного процесса смещения строгости принципов в пользу познания отдельного человека. Сентиментализм решает эту проблему выдвиганием на первый план человека чувствующего. Тем не менее, он апеллирует в большей степени к собирательной чувственности, нежели к личности и индивидуальному прочтению её проблем.

Относительную свободу личность получает в эпоху романтизма, который сформировался в противовес разумному Просвещению. На этом этапе наиболее четко очерчивается новая семантика бестелесного верха как духовной стороны личности, и телесного низа как тяготения к земному, материальному. Но романтическое двоемирие все еще изображает разобщенную личность, отказывающуюся воспринимать духовное и материальное в антропологическом единстве. Это рассогласование приводит к укреплению позиций реального мира перед идеальным духовным. Переход от романтизма к реализму в русской классической традиции обуславливает появление нового типа литературного героя, т.н. «маленького человека» как части реальной среды. С укреплением в этот период социологии как науки, внутренний мир становится объектом рецепции социума, трагедия частного находится в прямой зависимости от общего.

Появление же модернизма характеризуется перестройкой социальных позиций общества в вопросе соотношения бытия, социума и индивидуально-личностного «Я». Несколько течений периода «серебряного века», такие, например, как символизм и акмеизм сделали несколько серьезных шагов к целостной рецепции онтологического вопроса и проблеме существования и развития человека. С.Ф. Кузьмина

годы зарождения модернизма характеризует следующим образом: «Для русской культуры этого периода характерно активное взаимодействие с западноевропейским искусством и философией. Заново открывались возможности художественно – интуитивного познания мира, в творчество вовлекались переосмысленные символы и «вечные образы» мировой культуры, древние мифы, использовались образцы и примитивного искусства, и литургического песнопения» [Кузмина 2009: 7]. Эстетика модернизма в поисках качественно нового способа репрезентации реальности, тем не менее, обращается к достижениям предыдущих эпох, вместе с тем, ориентируясь на важнейшие гуманитарные достижения современников. Модернизм необходимо рассматривать как социокультурное явление, получающее развитие в междисциплинарной гуманитарной плоскости. Это первая попытка европейской культурной традиции систематизировать природное и человеческое во всем их многообразии как единое целое. Точкой опоры модернистского направления становится «Я» как абсолюте, идейная основа. Социум дробится на несколько тысяч «Я», каждое из которых самоценно и обладает особым набором личностных характеристик, поразному взаимодействующих с социальной средой. Для литературы переход к точечной индивидуализации человеческого существа знаменателен возможностью осуществления индуктивного исследования, т.е. изучением онтологического вопроса посредством движения от частного внутреннего мира субъекта к «вечным» вопросам, стоящим перед цивилизацией. Такой рывок, напротив, связан с дедуктивным движением, т.е. выделением из философии к началу XX века различных самостоятельных научных отраслей, в частности, социологии и психологии, оказавших влияние на искусство. Художественный текст становится порождением «Я», создающего на его основе материал для рецепции и изучения – мир художественного произведения. В.В. Савельева замечает: «Поскольку художественный текст и художественный мир созданы человеком-творцом, то присутствие антропологического начала в них несомненно: текст и мир созданы по образу и подобию своего создателя. Это касается и конкретных образов – персонажей, населяющих художественный мир» [Савельева 1999: 7]. Антропологическое начало заставляет литературу тесно взаимодействовать с различными областями гуманитарного знания в стремлении обогатить художественно-эстетический потенциал произведения необходимым философско-аналитическим содержанием. Последнее позволяет реализовать наиболее целостное изучение онтологической тематики в русле художественного творчества.

Завершает циклическую систему развития человека в искусстве постмодернизм. Первое упоминание термина встречается уже в 10-х годах XX века в работе немецкого писателя Р. Паннвица «Die Krisis der europaischen Kultur» [Pannwitz 1917]. Сегодня это мировоззрение характеризуется процессами десаκραлизации и трансгуманизма, т.е. приоритетом земного, материального над божественным. Иначе говоря, бестелесный верх и телесный низ меняются местами, во главу угла становится текст как абсолют, вмещающий в себя реальность. Негативные оценки постмодернизма чаще всего вызываются его эклектичностью, но именно она замыкает гармонический круг системы развития человека в искусстве. Во-первых, потому что художественный мир в постмодернизме выстраивается на основе взаимодействий различного типа. Главным образом, это появление прототекста и метатекста, представляющих собой интертекстуальную модель. Основой метатекста могут служить несколько прототекстов, открывая посредством постмодернистского эксперимента новые горизонты рецепции. Во-вторых, эклектичность представляет собой объединение разнородных образов, приемов, мотивов, которые принадлежат к различным периодам развития всемирной литературы; могут быть взяты из различных культур. Универсализм произведения постмодернизма достигается посредством актуализации достижений нескольких эпох, что позволяет выработать наиболее непредвзятый взгляд на проблематику, в том числе, «вечных» вопросов. Осознанная минимизация авторского вмешательства в процесс рецепции и интерпретации позволяет каждому читателю конструировать индивидуальный поток смыслов, апеллируя к своему «Я». Так создается множество динамичных художественных миров, на основе которых мы получаем возможность всестороннего анализа того или иного вопроса, темы, проблемы. Таким образом, героем литературы постмодернизма становится т.н. постчеловек – личность в потоке текста. Смысловая гармония интерпретации находит точки соприкосновения с античной онтологической гармонией, диалектическим единством [Словарь античности 1989: 121].

Модернизм и постмодернизм являются замыкающими звеньями антропоцентрической парадигмы в искусстве. Круговое движение нижнего и верхнего в человеке позволяет говорить о новом типе гармонии, базирующемся на античной культуре. В этой связи представляет интерес известный рисунок итальянского универсального исследователя, художника Леонардо да Винчи «Homo vitruvianus». Символические коннотации изображения различны, но все они подчинены лейтмотиву космической природы человека. Квадрат символизирует

материальные рамки, в которые помещен человек (телесный низ), а круг является символом постоянного движения от эпохи к эпохе и представляет собой бестелесное (духовное) в человеке. Однако центр круга – суть человеческой природы, всегда остается неизменным, независимо от перемены верха и низа местами. В каком-то смысле строение человека подобно космическому телу – пятиконечной звезде. Она также сохранит постоянство положения центральной части при повороте.

Таким образом, человек развивается циклически, и перемещение бестелесного вниз не означает его исчезновения. Это лишь расставляет иные приоритеты, что способствует всестороннему обновлению и дальнейшему движению в круге. Эволюционирующая взаимосвязь с античностью, которую мы наблюдаем в ренессансном гуманизме, модернизме, постмодернизме, обращает внимание на онтологический критерий о «соответствии человеческого тела и Вселенной» [Символы и аллегории 2008: 102]; антропо- и космоцентризм взаимопроникаются в поисках целостного взгляда на мировую культуру. Каждая эпоха сыграла важнейшую роль для развития системы антропоцентрических представлений в циклическом развитии. Работа Леонардо да Винчи еще раз доказывает бессознательное единство макрокосма (Вселенной) и микрокосма (человека), т.н. положение о «вечном возвращении». В течение нескольких веков этот принцип находит свое отражение в искусстве, в зависимости от приоритетов конкретной эпохи.

Мировоззренческие принципы модернизма, помимо непосредственно античного наследия во многом опираются и на ренессансный гуманизм. В частности, на постулат о мире как тексте. Это более знакомо современным исследователям как характерная черта постмодернистской эпохи, однако формирование её началось еще в начале XV века: «...то, что мы называли “внешним” фоном: было отнюдь не внешним и не фоном, а материализацией и продолжением, развертыванием в быт гуманистических понятий и мифологем. Вилла, лес, холм, прогулка, пирушка, пение, тишина, уединение – каждый элемент ландшафта или быта имел не только непосредственный, но и высший смысл, перекликался со всеми остальными, вписывался в некую предметно-духовную тотальность. Поэтому жизненная обстановка гуманиста всегда может быть прочитана в качестве текста» [Баткин 1995: 131]. Как видно, эпоха, переосмыслившая античность, многими веками ранее обозначила предпосылки новейших гуманитарных постулатов XX-XXI века.

В русле становления и развития модернизма в период «серебряного века» огромную роль играют знания о целостной картине эволюции культурных представлений. Это позволяет обозначить ряд новых задач, связанных с анализом художественного текста и имманентной наполненностью художественного мира литературного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

Ficin M. Commentaire au la Banquet de Platon / R. Marsel (Ed.). – Paris, 1956. – p. 226.

Pannwitz R. Die Krisis der europaeischen Kultur. – H. Carl, 1917. – 261 s.

Баткин Л.М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: Российск. гос. гуманит. Ун-т, 1995. – 448 с.

Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. – М.: Воскресенье, 2006. – 552 с.

Кузьмина С.Ф. История русской литературы XX века: Поэзия Серебряного века: Учебное пособие / С.Ф. Кузьмина. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 400 с.

Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Минск.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.

Психологизм в литературе: пособие по спецкурсу для студ. спец. / О.Б. Золотухина. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 181 с.

Савельева В.В. Художественная антропология: монография. – Алматы: АГУ им. Абая, 1999. – 281 с.

Символы и аллегории / энциклопедия искусства / пер. с итальян. / Баттистини М. – М.: «Омега», 2008. – 384 с.

Словарь античности. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.

Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник / В.Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2002. – 437 с.